

РОМАН ВИКТЮК: В КАЖДОМ ПОЛИТИКЕ СИДИТ ЖЕНЩИНА

Роман Виктюк со своей труппой репетирует в Доме культуры имени Русакова на Стромынке в Сокольниках. На вопрос, когда же поклонникам не надо будет разъезжать по другим театрам, где он со своей труппой арендует сцены, режиссер стучит по дереву:

— Если я сейчас назову число, буду не прав. Я суверен.

— Роман Григорьевич, вы поставили колоссальное количество пьес и в России, и за границей...

— Да, что-то около ста двадцати...

— Следите за своими старыми спектаклями?

— Не слежу и думаю, что жить прошлым неверно. Самый любимый ребенок — последний. С ним больше нянчусь, он только учится ходить. «Пробуждение весны» — совсем младенец, «Саломее» — год. Вот эти мои дети требуют особого внимания. А «Царская охота» в Моссовете — какой это ребенок? Спектакль идет уже 25 лет и давно живет своей жизнью с бессменной Маргаритой Тереховой в главной роли. Он пережил роды в муках. Можно сказать, что чудом появился на свет.

— Ему ставили препоны?

— Его вообще поначалу закрыли. Тогдашний главный режиссер театра Юрий Александрович Завадский совершил настоящий подвиг. Он поехал к начальнику Москвы Гришину и поставил ему условие: если спектакль не выходит, он покидает театр. И премьера состоялась. Что там творилось! Какой ажиотаж! Ну и, конечно, люди в штатском, в черных костюмах. Представителей власти бесила сама тема драматурга Леонида Зорина — государство бросает все силы на то, чтобы покорить одну беззащитную женщину. Постоянно искали намеки, кукиши в кармане, аналогии с современной жизнью.

— Но были спектакли, которые так и не вышли?

— Конечно. «Галоша счастья» Рощина, например. Сегодня даже догадаться трудно, почему его запретили. Это была сказка, притча. Полгода проверяющие из разных инстанций приходили и смотрели его и в результате все-таки закры-

ли. Не знаю уж, какие там намеки нашли. Или «Уроки музыки» Петрушевской в Студенческом театре МГУ. Эфрос, побывав на прогоне, написал, что это лучший спектакль за последние 25 лет. Ведущие драматурги, пресса поддерживали. Но спектакль закрыли. Посчитали, что советскому народу он не нужен. Исполнительница главной роли Аллочка Капкаева, работник библиотеки МГУ, не выдержала удара и умерла. Потом, во времена перестройки, многие из тех людей, которые запрещали мои спектакли, говорили: «Поймите, мы — такие же жертвы системы, как и вы». Их покаяние — дело их совести. А я знаю на кого не держу.

— Если бы вы сейчас вернулись в то время, ставили бы опять пьесы тех драматургов?

— С упорством ребенка — наивного, сумасшедшего, так же продолжал бы ставить Зорина и Петрушевскую, Вампилова и Рощина — авторов, которых отвергала официальная культура. Потому что они устанавливали обществу диагноз.

— В ваших спектаклях мужчины часто играют женщины. Почему?

— Не часто. Только в «Служанках».

— Но в роли Саломеи — Дима Бозин.

— Это совершенно другой ход. Там важна не только сама библейская история Саломеи, но история всего судебного процесса над Оскаром Уайльдом. Мы привлекли его письма, дневники. В одном из писем Уайльд пишет, что он вообразил пьесу «Саломея» и поставил ее в своем воображении. Чтобы постичь мировое Зло, он представил себя в роли царя Ирода, а в роли Саломеи — Альфреда Дугласа, чтобы тоже до конца понять его. Это случилось в одно из его утренних прозрений. Каждое утро в шесть часов Оскар Уайльд плакал в тюрьме, потому что считал, что в это время казнили Христа.

— Думал, вы ответите словами персонажа из вашего спектакля «М. Баттерфляй», который на вопрос «Почему в китайской опере мужчины играют женщины» отвечает: «Только мужчина знает, как должна вести себя женщина».

— И только женщина знает, как должен вести себя политик-мужчина, почему так, а не иначе. Только она в состоянии его постичь. Потому что в каждом политике сидит женщина, причем женщина легкого поведения. Он настолько капризен, непредсказуем и истеричен, что только хорошая актриса может его сыграть. Так у меня возник замысел пьесы Мисимы «Мой друг Гитлер». Я прочитал в воспоминаниях о Мисиме, что он обожал женское кабаре, часто его посещал. И я подумал, что в кабаре форма может быть исполнена пьесой о Гитлере. Тогда я решил собрать несколько наших ведущих актрис для исполнения роли немецких политиков и решил, что Гитлера должна играть Алиса Фрейндлих.

— А остальные?

— Возможно, Ада Роговцева, Марина Неелова, Людмила Максакова...

— Ваши спектакли очень чувственны, чувственность просто пронизывает многие из них. Как она сочетается с христианской любовью, которая иногда проповедуется в них же?

— А как сочетается идеал содомский с идеалом Мадонны у Уайльда? Есть эротика, а есть Эрос — та стрела, которая человека пронзает, всплеск энергии, который освещен Духом. Плоть не греховна, если одухотворена. Человеческое тело — величайшая тайна мироздания. Как и весь человек. Люди научились за считанные часы перемещаться из одной части земного шара в другую, а тайну человека так и не постигли. Прославлять ее, восхищаться ею — задача искусства. Только любовь придает жизни смысл.

— И любовь балансирует на грани смерти?

— Ну а как же? Об этом большинство моих спектаклей. То, что любовь — это смерть, утверждают все великие философы. Смерть — это ядро, «косточка в семени», как говорит Рильке. Философия — наука о том, как готовиться к смерти. Христианская религия твердит об этом человеку на протяжении двух тысяч лет, а он, к сожалению, ее не слышит. Но любовь — это не только смерть, но и

жизнь. Любовь — единственная заповедь природы человека. Это редкий цветок на земле. Он жив только благодаря тому эмоциональному меньшинству, которое отдает приоритет сердцу над расчетом.

— Часто вам приходится встречаться с представителями этого эмоционального меньшинства?

— К счастью, да. Они приходят на наши спектакли и своей любовью оберегают их, поддерживают, вдыхают в них энергию.

— Вы ставите во всем мире и со своим театром гастролируете по всему миру. Где лучше публика? Чем она отличается?

— Такой публики, как у нас, нет нигде. Только у нас Искусство, Театр — это потребность души. При всем уважении к западному зрителю, все-таки он — в первую очередь потребитель. Мы только вернулись из Америки, проехали 18 штатов, нас принимали прекрасно, спектакли прошли на ура. Зрители вставали, кричали «браво». Но только московская публика дает заряд невероятных сил.

— Что вы показывали прагматичным американцам?

— Показывали новый экспериментальный спектакль «Открытая репетиция». Он полностью построен на импровизации. Идет как будто репетиция различных смысловых отрывков, и зрителю предлагается принять в них участие. Мы задаем темы и начинаем играть их, а публика подключается, тем самым страшно заражаясь происходящим.

— И какие темы вы разыгрываете со зрителем?

— Самые разнообразные. Каин и Авель, встреча Ромео и Джульетты, Америка — Россия, Эмиграция, Портрет Дориана Грея. Тема ревности и тема смерти. Любую шоковую литературную ситуацию, и не только шоковую. Получается некое священнодействие, священный театр. Критика писала, что мы проложили дорогу в XXI век, но я человек скромный. В конце века не может прийти человек, который совершает открытия.

Встречался
Юрий ЛУГОВСКОЙ

Вечерний клуб. - 1999. - 7 авг. - с. 5